ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ (ЧАСТЬ II)*

ЩУКИН Андрей Игоревич, ведущий научный сотрудник отдела международного частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: pil@izak.ru

Вопросы, касающиеся принципов осуществления правосудия по гражданским делам с участием иностранных лиц (физических и юридических), имеют большое значение, поскольку претворение требований права в жизнь невозможно без полной и последовательной реализации заложенных в нем принципов. Состав и содержание этих принципов постоянно развиваются. В статье отмечается, что юридическое содержание принципа иммунитета иностранного государства в гражданском судопроизводстве прошло эволюционный путь от теории абсолютного иммунитета до концепции его функционального (ограниченного) предназначения. Современная практика регламентации правового положения международных межправительственных организаций при разбирательстве гражданских дел также в основном придерживается принципа предоставления им иммунитетов, которые необходимы для осуществления их функций.

Автор приходит к выводу, что в условиях, когда законы одного государства влияют на права и интересы физических и юридических лиц другого государства, особое значение приобретает принцип международного судебного сотрудничества и координации, основанный на благоразумии, взаимной вежливости и уважении судебной власти государств. В силу данного принципа суды разных государств, руководствуясь своим законодательством, уважая и соблюдая общепризнанные принципы и нормы международного права, оказывают друг другу всестороннюю правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, создают благоприятные условия для защиты прав и интересов заинтересованных лиц в целях справедливого и эффективного отправления правосудия.

Идея признания и применения иностранного частного права, по мнению автора статьи, не посягает на исходное положение о том, что законодательство о гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц не имеет экстерриториального действия. По общему правилу вся формальная сторона судебного процесса определяется законами компетентного суда исходя из принципа *lex fori*.

Ключевые слова: международный гражданский процесс, иностранные граждане и организации, гражданское судопроизводство с участием иностранных лиц, принципы права.

THE PRINCIPLES OF JUSTICE DELIVERY IN CIVIL CASES INVOLVING FOREIGNERS (PART II)

A. I. SHCHUKIN, leading research fellow of the Department of private international law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: pil@izak.ru

The issues relating to the principles of the justice management in civil law cases involving foreign participants (individuals and legal entities) are of great importance, since the putting into practice the legal requirements is impossible without the full and consistent implementation of the principles included in it. The composition and content of these principles are being constantly evolving; they do not represent any immutable provisions. The article notes that the legal content of the immunity principle of a foreign state in civil proceedings has evolved from the theory of absolute immunity to the concept of its functional (limited) purpose. The current practice of regulating the legal status of international intergovernmental organizations in civil law cases mainly also adheres to the principle of granting them immunities that are necessary a performance of their functions.

The author comes to the conclusion that under the conditions when laws of one state influence rights and interests of individuals and legal entities of another state, international judicial cooperation and coordination principle, based on prudence, mutual politeness, mutual respect of states' judicial power, acquires special significance. By virtue of this principle, the courts of different states, guided by their legislation, respecting and abiding by the generally recognized principles and norms of international law, provide each other with all-round legal assistance by performing procedural and other actions, including those on the basis of courtesy and reciprocity, and create favorable conditions to protect the rights and interests of stakeholders for the fair and efficient justice management.

The idea to recognize and apply foreign private law, according to the author of the article, does not shift the basic premise that legislation on civil legal proceedings with the participation of foreign persons has no extraterritorial effect. As a general

* Часть I данной статьи см.: Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 96—108.

rule, the entire formal part of the court process is determined by laws of the competent court, proceeding derived from the principle of *lex fori*.

Keywords: international civil process, foreign individual and legal entities, civil legal proceedings with the participation of foreign persons (participants), principles of law.

DOI: 10.12737/art.2018.5.14

Отражая важнейшие качественные особенности национальной судебной системы, принципы не представляют собой каких-то неизменных положений. Состав и содержание принципов международного гражданского процесса постоянно развиваются в результате изменений или дополнений в материальном праве, требующем специфических средств защиты, совершенствования правового регулирования организации судебной системы, модернизации деятельности судов, направленных на обеспечение доступности правосудия, повышение уровня его эффективности в защите нарушенных прав и свобод. Так, с принятием Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» (далее — Закон о юрисдикционных иммунитетах), отмечает В. М. Шерстюк, положения гражданского процессуального законодательства приводятся к единообразию путем установления в них единого *принципа иммунитета иностранного государства*¹. Действительно, юридическое содержание данного принципа прошло эволюционный путь от теории абсолютно-го иммунитета иностранного государства в гражданском судопроизводстве до концепции его функционального (ограниченного) предназначения.

В части 2 ст. 1 Закона о юрисдикционных иммунитетах закреплено общее положение о том, что иностранное государство пользуется в отношении себя и своего имущества юрисдикционными иммунитетами с учетом положений данного правового акта. Исходя из буквального прочтения этой нормы, можно прийти к выводу о том, что иностранное государство пользуется в Российской Федерации иммунитетом только в тех случаях, которые предусмотрены Законом, во всех остальных случаях государству иммунитет не предоставляется. В данной редакции Закон, на наш взгляд, закрепляет, скорее, не принцип иммунитета иностранного государства, а его отсутствие. Хотя другие статьи Закона предусматривают все-таки изъятия из принципа иммунитета иностранного государства, а не определенные исключения из отсутствия такого иммунитета. Представляется, что более корректной была бы следующая формулировка Закона: «Иностранное государство пользуется иммунитетом в отношении себя и своего имущества от гражданской юрисдик-

ции Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом». Тем самым Закон четко бы сформулировал принцип иммунитета иностранного государства применительно к предмету его регулирования, требуя учитывать также предусмотренные в нем исключения из действия этого принципа².

Статья 17 Закона о юрисдикционных иммунитетах формулирует общую норму о том, что дела с участием иностранного государства рассматриваются российским судом в порядке, установленном процессуальным законодательством РФ. Это, в свою очередь, потребовало внесения изменений в действующее российское процессуальное законодательство. Так, в АПК РФ и ГПК РФ появились соответственно гл. 33¹ и 45¹ о производстве по делам с участием иностранного государства. В данных главах обоих кодексов нашли закрепление, в частности, нормы о подведомственности и подсудности дел с участием иностранного государства, о порядке направления и вручения иностранному государству извещений и иных процессуальных документов, о порядке рассмотрения дела в отсутствие представителя иностранного государства, являющегося ответчиком по делу³.

Наряду с принципом иммунитета иностранного государства, его дипломатических и консульских органов можно назвать *принцип иммунитета международных межправительственных организаций и должностных лиц*, связанных с ними, в основе которого лежит, в свою очередь, принцип равноправия государств — членов международных организаций и вытекающая из этого необходимость освободить международные организации от власти и контроля со стороны отдельных государств.

О. В. Богданов отмечал, что вся современная практика регламентации правового режима международных организаций в основном следует принципу предоставления им иммунитетов, которые необходимы для осуществления их функций⁴. К. Хайлброннер указывает, что международные организации, находящиеся в Германии, как правило, пользуются иммуни-

² См.: Жукин А. И. Новации законодательства РФ о юрисдикционных иммунитетах иностранного государства // Право и государство: теория и практика. 2016. № 2. С. 66.

³ Подробнее см.: Жукин А. И. Новеллы в правовом регулировании производства по делам с участием иностранного государства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 63—70.

⁴ См.: Богданов О. В. Правовые вопросы пребывания ООН в США (привилегии и иммунитеты ООН). М., 1962. С. 49.

¹ См.: Шерстюк В. М. Категории «действительность» и «возможность» в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 16.

тетом от национальной юрисдикции в соответствии с соглашением об учреждении этой организации⁵.

Значимость данного принципа видна при анализе практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который в одном из постановлений указал: предоставление международным организациям привилегий и иммунитетов является существенной мерой для обеспечения надлежащего функционирования таких организаций без одностороннего вмешательства со стороны властей конкретного государства. Предоставление международным организациям иммунитета от судебного преследования, который в большинстве случаев одобряется государствами, на основании учредительных документов организаций или дополнительных соглашений является давно устоявшейся практикой и необходимо для надлежащего осуществления этими организациями своей деятельности. Важность данной практики усиливается тенденцией к расширению и укреплению международного сотрудничества во всех сферах современного общества⁶.

Рассматриваемый принцип находит детализацию и конкретное содержание в международных договорах Российской Федерации, соглашениях о штаб-квартире и федеральных законах, о чем сказано в ч. 1 ст. 401 ГПК РФ, ст. 251 АПК РФ. Так, Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН (1946 г.), послужившая моделью для соответствующих соглашений других международных организаций, в ст. II (разд. 2) закрепляет общее правило о том, что Объединенные Нации, их имущество и активы, где бы и в чьем бы распоряжении они ни находились, пользуются иммунитетом от любой формы судебного вмешательства, кроме случаев, когда Организация сама определенно отказывается от иммунитета. Однако предполагается, что никакой отказ от иммунитета не распространяется на судебные исполнительные меры. А. Райниш со ссылкой на п. 1 ст. 105 Устава ООН (1945 г.) отмечает, что в данном документе был прочно закреплен принцип функционального иммунитета Организации⁷.

На практике вопросы, связанные с иммунитетами международных организаций, вызывают серьезные затруднения, в том числе при предъявлении исков к этим организациям в российские суды. Так, Президиум ВАС РФ со ссылкой на положения Конвенции о

правовом статусе, привилегиях и иммунитетах межгосударственных экономических организаций, действующих в определенных областях сотрудничества, (1980 г.) признал необоснованным отказ нижестоящих судов в предоставлении международной организации по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области электротехнической промышленности «Интерэлектро» судебного иммунитета по спору о выселении этой организации из занимаемых по договору аренды помещений. Как указала надзорная инстанция, договор аренды нежилого помещения, необходимый для месторасположения самой международной организации, не может рассматриваться как заключенный в рамках коммерческой деятельности, не связанной с реализацией уставных задач организации; выселение международной организации означало бы нарушение принципа иммунитета и несоблюдение международно-правового обязательства РФ по обеспечению места нахождения международной организации в г. Москве⁸. С изложенной позицией трудно не согласиться.

Углубление взаимосвязанности государств ведет к росту числа случаев, когда законы одного государства влияют на права и интересы физических и юридических лиц другого государства. В таких условиях приобретает значение *принцип международного судебного сотрудничества и координации*, покоящийся на благоразумии, взаимной вежливости, взаимном уважении судебной власти государств. В силу данного принципа суды разных государств, руководствуясь своим законодательством, а также уважая и соблюдая общепризнанные принципы и нормы международного права, оказывают друг другу всестороннюю правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, в том числе на основе вежливости и взаимности, и создают благоприятные условия для защиты прав и интересов заинтересованных лиц в целях справедливого и эффективного отправления правосудия по гражданским делам, осложненным «иностранным элементом».

Рассматриваемый принцип лег в основу значительного числа правовых актов (международных соглашений), унифицирующих, в частности, право стран Европейского Союза в области отправления правосудия по гражданским и семейным делам. Например, в ст. 81 (§ 1) Договора о функционировании Европейского Союза (ЕС) (1957 г.) установлено: Союз развивает судебное сотрудничество по гражданским делам с трансграничными последствиями, которое основано на принципе взаимного признания судебных и внесудебных решений. Из п. 26 преамбулы Регламента ЕС № 1215/2012 о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (2012 г.) (далее — Регламент

⁵ См.: Hailbronner K. Immunity of International Organizations from German National Jurisdiction // Archiv des Völkerrechts. 2004. Bd. 42. Nr. 3. S. 329.

⁶ См. § 53 постановления ЕСПЧ от 18 февраля 1999 г. по делу «Беер (Beer) и Реган (Regan) против Германии» (жалоба № 28934/95).

⁷ См.: Reinisch A. Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations, Convention on the Privileges and Immunities of the Specialized Agencies. URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cpiun-cpisa/cpiun-cpisa_e.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

⁸ См. постановление Президиума ВАС РФ от 12 июля 2011 г. № 3440/07.

ЕС № 1215/2012) следует, что правовые нормы, в силу которых решения, принятые в государстве-члене, должны быть признаны во всех государствах-членах без необходимости какой-либо специальной процедуры, обусловлены в первую очередь взаимным доверием к отправлению правосудия в Союзе.

Признавая важность согласованных действий в отправлении правосудия, препятствующих в том числе принятию взаимоисключающих решений, Регламент ЕС № 1215/2012 закрепляет четкие и эффективные механизмы решения проблемы параллельных разбирательств в нескольких судах, известной как *lis alibi pendens*, а также определяет единый момент возбуждения производства по делу, устраняя разные законодательные подходы государств в этом вопросе. Так, ст. 29 указанного Регламента предусматривает: если иски по одному и тому же делу и между одними и теми же сторонами подаются в суды разных государств-членов, все суды, кроме суда, который первым принял дело к рассмотрению, по своей собственной инициативе приостанавливают производство до тех пор, пока не будет установлена юрисдикция первого суда. При этом суды незамедлительно информируют друг друга о дате, когда дело было принято к рассмотрению. Если суд, первым принявший дело к рассмотрению, принимает решение о своей юрисдикции, любой другой суд должен отказать от рассмотрения дела в пользу этого суда.

Норма о приоритете ранее начатого судебного процесса закреплена и в договорах России о правовой помощи с зарубежными странами. О необходимости прекращения производства по тождественному иску в суде, возбудившем дело позднее, говорится, к примеру, в договорах с Албанией 1995 г. (п. 3 ст. 21), Индией 2000 г. (п. 3 ст. 16), Латвией 1993 г. (п. 4 ст. 21) и ряде других. Сходные правила, касающиеся координации процессуальных действий в ходе судебного разбирательства, установлены и в российском процессуальном законодательстве: ст. 252 АПК РФ, ст. 406 ГПК РФ.

Указанные положения, рассматриваемые в литературе в качестве содержания так называемого *принципа контролируемой множественности процессов*⁹, на наш взгляд, являются непосредственным следствием, элементами другого, более общего принципа международного судебного сотрудничества и координации.

Другим случаем проявления принципа координации судебных процессов является ситуация, когда суд, не обозначенный в исключительном соглашении о выборе юрисдикции (пророгационном соглашении), принял к рассмотрению дело, а затем тождественный иск был принят к рассмотрению судом, указанным в

этом соглашении. В данном случае суд, первым принявший дело к рассмотрению, должен приостановить разбирательство до тех пор, пока суд, названный в пророгационном соглашении, не определит, что он не обладает юрисдикцией в соответствии с этим соглашением (ст. 31 (§ 2) Регламента ЕС № 1215/2012). Тем самым решается сразу несколько задач: повышается эффективность исключительных соглашений о выборе суда, предотвращается недобросовестное поведение одной из сторон (злоупотребление правом), обеспечивается приоритетное применение права суда, выбранного сторонами, для решения вопроса действительности достигнутого соглашения и его распространения на возникший спор.

Исходя из принципа сотрудничества и координации, российское процессуальное законодательство предусматривает различные механизмы, призванные синхронизировать взаимосвязанные разбирательства, идущие одновременно в судах нескольких государств. Здесь следует отметить нормы о приостановлении производства по делу, обеспечивающие в том числе непротиворечивость принимаемых судами разных стран решений. Так, п. 5 ст. 144 АПК РФ в отличие от ст. 216 ГПК РФ предусматривает право арбитражного суда РФ приостановить производство по делу в случае рассмотрения судом иностранного государства другого дела, решение по которому может иметь значение для дела, рассматриваемого российским судом. Применяя эту норму, арбитражный суд РФ, например, приостановил производство по иску польского банка к польской фирме об обращении взыскания на предмет залога — доли в уставном капитале российской компании. Суд исходил из невозможности рассмотрения данного дела до вынесения решения Окружным судом Варшавы по спору об установлении размера требований польского банка (кредитора) по обеспеченному залогом договору о предоставлении кредитной линии, разногласия по которому стороны согласовали разрешать исключительно в судебных инстанциях Республики Польша¹⁰. По другому делу арбитражный суд РФ приостановил производство по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда и его отмене до рассмотрения Окружным судом Никосии (Республика Кипр) спора о признании недействительными договора займа и содержащейся в нем оговорки, на основании которой третейский суд принял предъявленное к исполнению решение¹¹.

Пункт 4 ст. 55 Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (1996 г.) предусматривает норму о том, что если

⁹ См., например: Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Филатова М. А. Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. М., 2017. С. 36.

¹⁰ См. постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 сентября 2017 г. по делу № А26-1562/2016.

¹¹ См. постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 июля 2017 г. по делу № А56-13179/2017.

на территории одной страны, суд которой вынес решение, исполнение было приостановлено, то на территории другой страны приостанавливается производство по признанию и исполнению этого решения, а если такое разрешение уже выдано, то приостанавливается исполнительное производство. Другой договор о правовой помощи между Россией и Египтом (1997 г.) закрепляет: суд, в адрес которого направлен иск по спору между теми же сторонами и по тем же обстоятельствам, который ранее уже принят к производству в суде другой договаривающейся стороны, обязан приостановить рассмотрение спора. Между тем, если при рассмотрении первого иска установлена некомпетентность суда, в который он направлен, то суд другой страны вправе возобновить производство (п. 3 ст. 20).

Таким образом, принцип международного судебного сотрудничества и координации не только гарантирует эффективность правосудия, успешное решение его главных задач, но и в определенной степени обеспечивает рациональное, экономичное использование процессуальных средств в достижении поставленных целей.

Особое значение принцип судебного сотрудничества и координации имеет в делах, связанных с трансграничным банкротством (несостоятельностью). В § 48 преамбулы Регламента ЕС № 2015/848 о процедурах банкротства (новая редакция) (2015 г.) сформулированы следующие положения общего характера. Основная процедура банкротства и вторичная процедура банкротства могут внести весомый вклад в процесс эффективного управления конкурсной массой должника или эффективной реализации имущества должника только в том случае, если все лица, участвующие в данных процедурах, проводимых параллельно, будут надлежащим образом сотрудничать между собой. Надлежащее сотрудничество подразумевает под собой то, что различные арбитражные управляющие и участвующие в деле суды будут тесно сотрудничать между собой, в частности путем обмена необходимой информацией. При осуществлении сотрудничества арбитражные управляющие и суды должны принимать во внимание наилучшую практику сотрудничества, касающуюся случаев трансграничного банкротства, как указано в принципах и в руководствах по взаимодействию и сотрудничеству, принятых европейскими и международными организациями, осуществляющими деятельность в области банкротного права, и, в частности, соответствующими руководствами, подготовленными Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Таким же образом суды различных государств — членов ЕС могут сотрудничать между собой путем координации деятельности по вопросам назначения арбитражных управляющих.

Принцип сотрудничества и координации между судами является ключевым принципом правово-

го регулирования, закрепленным Типовым законом ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (1997 г.). Сотрудничество часто служит единственным реальным способом, чтобы, например, предотвратить растрату активов, максимально повысить их стоимость¹² или отыскать наилучшие решения для реорганизации предприятия. Также сотрудничество выступает зачастую единственным способом координации производств по делам разных членов одной предпринимательской группы, которые ведутся в нескольких государствах. Сотрудничество ведет к улучшению координации между производствами по различным делам о несостоятельности, а также их рационализации с целью обеспечения максимальных выгод для кредиторов.

Например, в 2001 г. при помощи видеосвязи были проведены совместные слушания с участием судей из США и Канады и представителей всех сторон в каждой из правовых систем. Разбирательство дел проводилось одновременно, каждый судья заслушивал аргументы по вопросам существа, которыми занимался его суд, до вынесения решения. Стороны и судья в другой правовой системе, хотя они видели и слышали происходящее в ходе прений по вопросам существа в другой правовой системе, активного участия в этой части слушаний не принимали. По завершении прений по вопросам существа в каждом из судов (с согласия сторон) двое судей приостановили слушания для личной беседы (по телефону), после чего совместные слушания были возобновлены, но каждый судья зачитал постановление в рамках производства по соответствующему делу. При этом, хотя один судья подтвердил, что они достигли согласия в отношении результатов, решение, очевидно, принималось независимо каждым судьей в отношении только того дела, разбирательство по которому он проводил. Информация, полученная от участников этих слушаний, свидетельствует, что объем возмещения, причитавшегося кредиторам, был значительно увеличен в результате того, что каждый из судов был более полно информирован о происходящем в рамках другой правовой системы и предпринял позитивные попытки по координации производств таким образом, который в наилучшей степени отвечает интересам кредиторов¹³. Очевидно, что обладание информацией о вынесенных судебных актах или находящихся в производстве судов делах, связанных с рассматриваемым, позволяет судам, помимо предусмотренных законом процессу-

¹² Например, когда стоимость предметов производственного оборудования, расположенных в двух государствах, будет увеличена при их совместной продаже по сравнению с той, которая могла бы быть получена, если бы они продавались раздельно.

¹³ См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности: материалы судебной практики. Нью-Йорк, 2012. С. 56 (A/CN.9/732).

альных последствий, решить ряд тактических задач, например, увидеть общую картину возникшего спора, обнаружить скрытые аспекты рассматриваемого конфликта, увидеть «расстановку сил».

Таким образом, приведенные процессуальные нормы, нацеленные на выяснение факта наличия взаимосвязанных дел, обеспечение непротиворечивости принимаемых судебных актов, являются проявлением принципа сотрудничества и координации судов разных стран. В итоге реализация этого принципа способствует принятию законного и обоснованного решения по делу, а также соблюдению такого универсального требования, предъявляемого в целом ко всему гражданскому судопроизводству, как концентрация процесса.

Как указывает Н. И. Марышева, в мире сложилась практика исполнения иностранных судебных поручений на началах международной вежливости (*comity*) и при отсутствии на этот счет соответствующего международного договора¹⁴. Подтверждением этому служит п. 27 постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», в котором указано: при отсутствии международного договора поручение направляется через территориальные органы Министерства юстиции РФ и Министерство иностранных дел РФ в порядке международной вежливости.

По одному из дел кассационный суд пришел к следующим интересным выводам. Оставляя без внимания акты судебных органов иностранных государств, суды не учли, что принципы международной вежливости и взаимности предписывают государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно, уважать результаты в том числе судебной деятельности каждого из них. Придя к выводу о применении при разрешении спора законодательства Сент-Винсента и Гренадин, суды обязаны были учесть отношение правопорядка данного государства к иностранным судебным актам как к фактам, способным повлиять на существование и действительность зарегистрированных на его территории ипотечных обременений имущества¹⁵.

По другому делу ВС РФ, отменяя судебные акты нижестоящих судов об отказе в удовлетворении заявления о принятии обеспечительных мер, пришел к следующим обоснованным выводам. Определения иностранных судов о применении обеспечительных мер не подлежат признанию и принудительному ис-

полнению на территории РФ, поскольку не являются окончательными судебными актами по существу спора, вынесенными в состязательных процессах. Обеспечительные меры как средство судебной защиты, применяемое в ускоренной судебной процедуре при оценке ограниченного круга доказательств и без вызова другой стороны, могут приниматься тем судом, который обладает эффективной юрисдикцией, т. е. юрисдикцией, в рамках которой обеспечительные меры могут быть эффективно исполнены. В связи с этим юрисдикция по применению обеспечительных мер может не совпадать с юрисдикцией по существу спора. Обеспечительные меры по иску, рассматриваемому по существу в суде иностранного государства, могут быть приняты арбитражным судом в Российской Федерации при наличии у него эффективной юрисдикции, а именно: по месту нахождения заявителя, либо по месту нахождения денежных средств или иного имущества, в отношении которых заявитель ходатайствует о принятии мер по обеспечению имущественных интересов, либо по месту нарушения прав заявителя. Следовательно, даже если российский суд не обладает компетенцией по рассмотрению основного спора в соответствии с нормами о международной подсудности, этот факт не препятствует ему принять соответствующие меры в обеспечение иска, рассматриваемого по существу иностранным судом. Данный механизм взаимодействия иностранных судебных процессов (процесса по существу спора и процесса о принятии обеспечительных мер) основан на принципе международной вежливости и направлен на эффективную защиту прав участников экономического оборота. Ссылаясь на непредставление заявителем документов в подтверждение совершения ответчиком действий, которые могут привести к нарушению его прав, российские суды не учли принятый судом Республики Кипр в рамках разбирательства по существу дела промежуточный акт, согласно которому были приняты запретительные меры. Это означает, что иностранный суд установил наличие определенных негативных для заявителя обстоятельств¹⁶. Кстати, Принципы международного гражданского процесса (*Principles of Transnational Civil Procedure*) 2004 г., провозглашая необходимость и важность сотрудничества, в п. 31 закрепляют положение о том, что содействие юрисдикционным органам любого иностранного государства предполагает принятие обеспечительных мер.

По мнению Л. Коллинза, в тех случаях, когда национальные суды доступны в более чем одной стране, в принципе нет никаких оснований для того, чтобы стороны не обращались в суд за защитными мерами, даже если суд другой страны обладает юрисдикцией в отношении существа дела. Нет сомнений в том,

¹⁴ См.: Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007. С. 252.

¹⁵ См. постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 января 2012 г. по делу № А73-10214/2008.

¹⁶ См. определение ВС РФ от 28 марта 2018 г. № 305-ЭС17-18862.

отмечает автор, что на примере ст. 24 Брюссельской и Луганской конвенций прослеживается тенденция к обеспечению временной защиты в одной стране в порядке содействия разбирательству по существу в другой стране¹⁷.

Н. Г. Елисеев отмечает, что международная вежливость как общепризнанный принцип не допускает отказа в рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения по причине отсутствия международного договора, предусматривающего такие признание и исполнение¹⁸.

Как указывает У. Додж, суды в США уже давно ссылаются на «дух вежливости» при признании иностранных судебных решений. Сегодня американские суды используют международную вежливость для ограничения сферы действия внутреннего права. Верховный Суд США неоднократно квалифицировал иммунитет иностранного государства как жест вежливости и, наоборот, использовал вежливость, чтобы объяснить, почему иностранным правительствам следует разрешить подавать иски в качестве истцов в американские суды. Высказано также мнение, что доктрина акта государства основывается на высших соображениях международной вежливости и целесообразности. Высший Суд рекомендовал нижестоящим судам учитывать вежливость при необходимости получения доказательств за рубежом для использования в судах США и поиска доказательств в этой стране для представления в иностранные суды. Федеральные суды ссылаются на международную вежливость в качестве доктрины воздержания в пользу параллельных разбирательств в иностранных судах и решения вопроса о том, следует ли предписывать сторонам запрещать такое разбирательство. В то же время автор указывает, что для принципа, который играет центральную роль в законодательстве США о международных сношениях, вежливость окружена поразительным количеством недопониманий¹⁹. Некоторая путаница возникает в отношении взаимосвязи между международной вежливостью и международным правом. Хотя доктрина международной вежливости иногда пересекается с нормами международного права, принцип вежливости — категория внутреннего права, и в большинстве случаев он не является обязательным в силу международного права. В частности, ни одно правило обычного международного права, отмечает У. Додж, не тре-

бует от США признания решения иностранного суда. Международная вежливость — это уважение к субъектам иностранного государства, которое не требуется по международному праву, но предусмотрено внутренним правом²⁰.

Действительно, международную вежливость можно отнести к числу наиболее сложных, неясных категорий юридической науки. Имеются разные, подчас противоречивые трактовки данной категории и в российской доктрине. По мнению С. В. Николюкина, принцип международной вежливости означает совокупность определенных правил поведения государств, участвующих в международном общении. При этом данный принцип, с одной стороны, не является юридически обязательным, но с другой стороны, отказ от его соблюдения может служить основанием для реторсий²¹. Прямо противоположная точка зрения высказана авторами учебника «Международный гражданский процесс»²². Здесь же указывается, что международная вежливость, будучи обычно-правовым принципом в современной правовой системе России, является и международно-правовым обыкновением, не являющимся правовой нормой²³.

Л. П. Ануфриева задается интересным вопросом: если международная вежливость как нормативное явление не располагает корреспондирующим ей источником, насколько обоснованно вести речь о данной категории как о правовом принципе?²⁴ Принцип в праве имеет и содержанием, и следствием юридически обязательные модели поведения. Между тем обнаружить соответствующие формы, в которых выражены нормы, опосредствующие институт международной вежливости, не так-то просто. По мнению Л. П. Ануфриевой, наличие ссылок на международную вежливость в решениях национальных и международных судебных органов, фактическое обращение различных стран друг к другу с просьбами о выполнении тех или иных действий и т. д. содержит необходимое *opinion juris* и подтверждает существование данного правила поведения в форме правового обычая²⁵.

Однако от международного обычая следует отличать международное обыкновение — общепринятую практику государств, не имеющую юридически обязательного характера. Если государства придерживаются определенного правила и не признают за ним

²⁰ См.: Dodge W. S. Op. cit. P. 2074, 2140.

²¹ См.: Николюкин С. В. Международный гражданский процесс и международный гражданский арбитраж: учебник. М., 2017. С. 22.

²² См.: Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Филатова М. А. Указ. соч. С. 39.

²³ Там же.

²⁴ См.: Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002. С. 89.

²⁵ Там же.

¹⁷ См.: Collins L. Provisional and Protective Measures in International Litigation // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1992. Vol. 234. P. 234—235.

¹⁸ См.: Елисеев Н. Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 76.

¹⁹ См.: Dodge W. S. International Comity in American Law // Columbia Law Review. 2015. Vol. 115. No. 8. P. 2072—2073, 2107.

юридически обязательного характера, то мы имеем дело не с международным обычаем, а с обыкновением (usage), или с правилом международной вежливости²⁶.

Анализ признаков односторонних актов государств, предложенных Комиссией международного права ООН в докладе на 49-й сессии (акт должен исходить от государства как субъекта международного права; он представляет собой одностороннее выражение воли, высказанное публично; данным актом государство намеревается принять на себя правовые обязательства и вызвать юридические последствия)²⁷, позволяет выявить определенное сходство между ними и категорией «международная вежливость». Например, в ноте посла США в Москве на имя Народного комиссара иностранных дел²⁸ (1935 г.) указано: советскими судами вряд ли могут быть встречены какие-либо трудности в отношении исполнения судебных поручений американскими судами.

По образному выражению И. И. Лукашука, вежливость служит специфическим антифрикционным, «смазочным» материалом в сложном механизме регулирования возникающих отношений²⁹.

В российской судебной практике можно встретить утверждение о том, что принцип международной вежливости предписывает государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно, в то время как принцип взаимности предполагает взаимное уважение судами разных стран результатов деятельности друг друга³⁰. Руководствуясь этими же положениями, проверяющая инстанция поставила в упрек нижестоящим судам то, что они при принятии судебного акта по делу об оспаривании постановления третейского суда о наличии у него компетенции не учли вступившее в законную силу решение Центрального суда г. Будапешта по делу об оспаривании арбитражной оговорки, лежащей в основе компетенции третейского суда³¹.

В некоторых судебных актах отмечается, что взаимность берет свое начало из международной вежливости³². По одному из дел представитель стороны

указал: юрисдикция, достаточная для возникновения права на признание решения иностранного суда, основывается на взаимности и вежливости... Английские суды должны признать юрисдикцию бельгийского суда, если при подобных обстоятельствах бельгийские суды признали бы юрисдикцию английских судов в аналогичном споре, если бы их ситуации поменялась местами. Профессор Кан-Фрейнд описал эту ситуацию следующим образом: «Я соглашусь с тем, что вы делаете, пока принимаете то, что Я делаю». Далее представителем был приведен следующий аргумент: английские суды должны признать решение бельгийского суда, если английские суды будут требовать эквивалентной юрисдикции для себя. Все тот же уважаемый профессор интерпретировал это как «Я приму то, что вы делаете, пока вы действуете, как Я»³³. В литературе можно встретить мнение, что «источник comity — в чувстве взаимного уважения», «comity должно быть взаимно... оно предполагает дружелюбность (friendship)»³⁴.

Как указывает Т. Н. Нешатаева, принцип взаимного сотрудничества прошел долгий путь развития от «мягкой» формы — международной вежливости (comity) — до обязанности государств сотрудничать друг с другом во благо своих граждан³⁵.

Хотя взаимность и является порождением международной вежливости, между этими категориями, как отмечают некоторые авторы, нельзя ставить знак равенства³⁶. Здесь, конечно, не все так просто. Сложности в разграничении двух этих категорий связаны с тем, что в юридической науке и практике термин «взаимность» используется в разных значениях. Во-первых, он используется для обозначения условия (оговорки), на основании которого предоставляются какие-то права (льготы), правовой режим, осуществляются определенные процессуальные действия. При этом взаимность может рассматриваться как императивное требование, неисполнение которого влечет негативные последствия, так и в качестве факультативного основания осуществления процессуальных действий в целях эффективной защиты нарушенных прав и интересов. Во-вторых, оговорка о взаимности некоторыми авторами определяется через принцип,

²⁶ См.: Тимошков С. Г. Применение международного обычая как источника ответственности за преступление агрессии // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 153.

²⁷ См.: UN Doc. A/52/10. P. 64—67.

²⁸ См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. Отдел второй. 1936. № 4 (15 марта). Ст. 44.

²⁹ См.: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. М., 1997. С. 156.

³⁰ См. определение ВАС РФ от 7 декабря 2009 г. № ВАС-13688/09.

³¹ См. постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 24 января 2012 г. по делу № А40-65888/11-8-553.

³² См. постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 июля 2009 г. по делу № А41-9613/09.

³³ См.: Webb P. R. H. Comity and Reciprocity: (Based upon Société Cooperative Sidmetal v. Titan International Ltd.) // International and Comparative Law Quarterly. 1966. Vol. 15. Iss. 1. P. 272—273, 277—278.

³⁴ Цит. по: Корецкий В. М. Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права. М., 1948. С. 16—17.

³⁵ См.: Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Хозяйство и право. 2004. № 5. С. 122.

³⁶ См.: Кайсин Д. В. Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. 2014. № 6. С. 157.

сущность которого заключается в предоставлении государством иностранным физическим и юридическим лицам определенных прав и привилегий на своей территории при условии, что и его физические и юридические лица будут пользоваться аналогичными правами и привилегиями в данном иностранном государстве³⁷. В-третьих, взаимность рассматривают как реально сложившиеся отношения, в частности, при признании и исполнении иностранных судебных решений, т. е. реальную двустороннюю связь между двумя государствами³⁸. В-четвертых, взаимность, о которой идет речь в нормах внутреннего права, как считают некоторые авторы, отвечает критериям одностороннего акта государства³⁹.

Соответственно, чтобы разграничить международную вежливость и взаимность, важно четко понимать, какой смысл мы вкладываем в каждое из этих правовых явлений, поскольку, с одной стороны, они соотносятся как причина и следствие, с другой стороны, эти правовые категории являются составляющими элементами принципа судебного сотрудничества и координации в гражданских делах с участием иностранных лиц. Как мы убедились, такое сотрудничество может осуществляться в силу международного договора, в основе которого лежит все то же взаимное согласие («договорная взаимность»), и на иных условиях, в частности, исходя из международной вежливости и внедоговорной взаимности. «Простая позитивная взаимность», которая служит для «обозначения взаимности как выражения политики сотрудничества и односторонней помощи между государствами»⁴⁰, имеет своей обратной стороной международную вежливость.

Профессор Х. Шак отмечает, что внедоговорное оказание правовой помощи на основе международной вежливости заключается в том, что запрашиваемое государство оказывает по просьбе об оказании правовой помощи таковую в ожидании, что обратившееся за помощью государство поступит таким же образом. При этом подчеркивается, что представление о взаимности, лежащее в основе международной вежливости, тем не менее нельзя ставить на один уровень с более строгим требованием обеспечения взаимности⁴¹. Сходной позицией придерживается и Н. Г. Елисеев⁴².

Дифференциацию международной вежливости («простой позитивной взаимности») и «более стро-

гих требований обеспечения взаимности», на наш взгляд, следует проводить исходя из того, что последние, в отличие от первой, находят свое прямое закрепление в позитивном праве, а потому приобретают юридически обязательную силу, которая отсутствует у вежливости, «простой взаимности». Одним из зарубежных авторов очень четко подмечено: предоставляющее в силу международной вежливости определенные блага государство может быть уверено в том, что пользующееся этими благами другое государство не сможет предъявить на них юридические требования⁴³. Иная картина складывается в случае закрепления взаимности как «строгого требования» в конкретной правовой норме.

Нельзя не отметить, что отношение к условию о взаимности при решении вопроса о признании и исполнении иностранных судебных решений весьма разное — как положительное, так и отрицательное. Так, А. Ленхоф, полагая, что есть государства, отправляющие правосудия в которых, мягко выражаясь, не может рассматриваться как образец совершенства, указывает: требования взаимности с точки зрения юридической логики являются произвольными, а с точки зрения правовой политики — нежелательными⁴⁴. Д. Риган отмечал, что введение требований о взаимности в других странах отрицательно сказалось на судебных решениях, вынесенных во Франции... Это отчасти послужило толчком к заключению Францией международных соглашений, предусматривающих взаимное исполнение судебных решений⁴⁵. Д. Койл указывает, что споры о том, должны ли американские суды требовать доказательства взаимности в качестве условия приведения в исполнение иностранного решения, бушевали более века. Хотя на сегодняшний день большинство штатов в США отказались от введения такого правила, этот вопрос продолжает подниматься в дискуссиях как на уровне отдельных штатов, так и на федеральном уровне⁴⁶. Принятие политики взаимности в вопросе признания иностранных судебных решений — не в долгосрочных интересах США; требование взаимности вряд ли принесет много пользы гражданам этой страны и подвигнет иностранные государства изменить их политику отказа в исполнении судебных решений США⁴⁷.

³⁷ См.: Николюкин С. В. Указ. соч. С. 21.

³⁸ См.: Брановицкий К. Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 8. С. 29.

³⁹ См.: Галенская Л. Н. Понятие взаимности // Журнал международного частного права. 2005. № 3. С. 12—13.

⁴⁰ Брановицкий К. Л. Указ. соч. С. 28.

⁴¹ См.: Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник. Пер. с нем. М., 2001. С. 81.

⁴² См.: Елисеев Н. Г. Указ. соч. С. 75—76.

⁴³ Цит. по: Лукашук И. И. Международное право. С. 156.

⁴⁴ См.: Lenhof A. Reciprocity and the Law of Foreign Judgments: A Historical — Critical Analysis // Louisiana Law Review. 1956. Vol. 16. No. 3. P. 482—483.

⁴⁵ См.: Regan J. C. The Enforcement of Foreign Judgments in France under the Nouveau Code de Procédure Civile // Boston College International and Comparative Law Review. 1981. Vol. 4. Iss. 1. P. 160—161.

⁴⁶ См.: Coyle J. F. Rethinking Judgments Reciprocity // North Carolina Law Review. 2014. Vol. 92. No. 4. P. 1111.

⁴⁷ Ibid. P. 1169—1170.

В свое время С. Саси пришел к следующим выводам. При требовании наличия взаимности в большинстве случаев законодатель нацелен на то, чтобы другое государство предоставляло иностранным гражданам такую же юридическую защиту, что и собственным гражданам, или такую же защиту, которую оно предоставляет иностранцам. De lege ferenda мы не всегда можем одобрить идею требования наличия взаимности. Тот, кто считает руководящим принципом как можно более широкое распространение применения внутреннего права в связи с урегулированием коллизий норм и юрисдикций судов, будет горячо приветствовать требование взаимности; авторы, которые считают исходным принципом преобладание справедливости и поощрение международных отношений, будут менее увлечены этим вопросом. Не подлежит сомнению, что во многих случаях (например, когда речь идет об освобождении от судебных расходов или об оказании правовой помощи) необходимо требовать взаимности, чтобы обеспечить интересы граждан страны. Тем не менее несомненно, что требование взаимности является препятствием для международного сотрудничества и по этой причине в ряде случаев (например, при признании и исполнении иностранных судебных решений) является несправедливым в ущерб стороне, которая не должна нести бремя ответственности (претерпевать негативные последствия) за то, что иностранное государство не практикует взаимность. Правило взаимности должно быть отвергнуто во взаимных отношениях государств, имеющих одинаковую социально-экономическую систему⁴⁸.

В целом использование взаимности в международном гражданском процессе — явление широко известное и, как представляется, имеющее право на существование.

Нужно отметить, что в условиях общего признания существования принципов отдельных стадий судебного процесса, принципов отдельных видов производств вполне обоснованным представляется выделение принципов процессуальных институтов международного гражданского процесса (международной подсудности, правовой помощи и др.). Например, в качестве принципа института мер по обеспечению иска можно считать положение о том, что юрисдикция в отношении выдачи приказа об обеспечительных мерах должна быть независимой от юрисдикции по существу спора⁴⁹.

Если обратиться к институту международной подсудности, то здесь в качестве принципа можно назвать *принцип наиболее тесной связи* спорного пра-

воотношения с территориями государства суда. Он лежит в основе общих правил определения компетенции арбитражных судов РФ по делам с участием иностранных лиц, поэтому нормы ч. 1 ст. 247 АПК РФ, как указано в п. 12 постановления Пленума ВС РФ № 23, должны толковаться с учетом этого принципа. В пункте 10 ч. 1 указанной статьи прямо сформулировано правило о том, что арбитражные суды РФ рассматривают дела с участием иностранных лиц, если имеется тесная связь спорного правоотношения с территорией России. Безусловно, правила, предопределяющие суд, в котором подлежит рассмотрению то или иное дело, должны быть сформулированы таким образом, чтобы избежать неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством дискреционного полномочия суда. Вместе с тем очевидно и другое: законодатель не всегда поспевает за новыми жизненными реалиями. Так, ввиду отсутствия в российском законодательстве норм о международной подсудности дел о банкротстве (несостоятельности) иностранных граждан, суды пытаются решить эту проблему самостоятельно, в том числе с помощью нормы п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ. Поэтому, несмотря на некоторые риски, которые несет в себе эта норма, она позволяет преодолеть преграду в реализации права на судебную защиту⁵⁰, что говорит о ее определенном полезном эффекте. В данном случае принцип наиболее тесной связи обеспечивает осуществление важной задачи производства по делам с участием иностранных лиц — предоставление каждому защиты его нарушенных прав и интересов посредством правосудия.

Другой важный принцип международного гражданского процесса — *forum regit processum* — означает, что в вопросах гражданского судопроизводства применяется закон страны суда (принцип *lex fori*). Л. А. Лунц отмечал, что порядок деятельности органов юстиции, как и всех других органов государственной власти, должен определяться собственным правом государства и здесь неуместно ставить вопрос о коллизионной привязке⁵¹. По мнению Д. Д. Аверина, «принципом при выборе процессуального права является принцип «закона суда» (*lex fori*), который не носит характера коллизионной нормы»⁵². Правда, в литературе встречается взгляд на *lex fori* как на коллизионный принцип (генеральную коллизион-

⁵⁰ См., например, определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 июня 2016 г. по делу № А81-6187/2015.

⁵¹ См.: Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 770, 773.

⁵² Аверин Д. Д. Процессуальные вопросы сотрудничества органов юстиции социалистических государств. Исполнение решений и поручений иностранных судов: лекция. М., 1963. С. 11.

⁴⁸ См. об этом: Szász S. The Principle of Reciprocity in the Law of International Civil Procedure // Netherlands International Law Review. 1966. Vol. 13. Iss. 1. P. 4—5.

⁴⁹ См., например: Art. 10 of International Law Association's Principles on Provisional and Protective Measures (1996).

ную привязку)⁵³. Н. И. Марышева указывает: постановку в вопросах процесса коллизионной проблемы российская доктрина, как правило, отвергает⁵⁴; действие принципа *lex fori* в процессуальном праве целесообразно и в большей степени удобно⁵⁵.

Данный принцип сформулирован в ч. 3 ст. 398 ГПК РФ, где определено: производство по делам с участием иностранных лиц осуществляется в соответствии с данным Кодексом и иными федеральными законами. Из этого исходит и норма ч. 1 ст. 253 АПК РФ. Отсюда, например, следует, что определение используемых в процессуальных нормах понятий должно проводиться на основе отечественного права без учета коллизионных норм⁵⁶.

Едва ли можно согласиться с Н. Ю. Ерпылевой в том, что международный гражданский процесс по своему содержанию носит экстерриториальный характер⁵⁷. Возможно, признавая решения иностранных судов по гражданским делам, государство так или иначе обеспечивает соответствующее действие иностранных материальных законов в сфере своей юрисдикции. Это обусловлено установившейся частноправовой автономией и презумпцией того, что каждый частноправовой порядок, который был найден подлежащим применению, служит интересам правосудия во взаимоотношениях индивидов. Тем не менее идея признания и применимости иностранного частного права не колеблет исходного положения о том, что публичное право, к которому относятся и нормы международного гражданского процесса, не может иметь юридического действия за пределами территории государства (экстерриториального действия)⁵⁸. Законодательство о гражданском судопроизводстве имеет экстерриториальное действие в исключительных случаях и применяется судебными органами иностранного государства на основе норм своего внутреннего или международного права.

К тому же, если обратиться к судебной практике, то окажется, что она довольно последовательно придерживается территориального принципа в вопросах международного гражданского процесса. Так, по одному из дел суд отметил: сам выход предпринимателя на иностранный рынок предполагает риски возникновения судебных процессов в иностранной юрисдикции и, соответственно, подразумевает, что правила судопроизводства и исчисления издержек будут определяться по праву государства — места рассмотрения спора, а не по праву государственной принадлежности предпринимателя⁵⁹.

В другом случае суд пришел к следующим выводам. Обеспечительные меры, в том числе в рамках взаимодействующих разбирательств, принимаются в соответствии с нормами процессуального закона страны суда. Рассмотрение вопроса о применении обеспечительных мер должно осуществляться в процессуальной форме, предусмотренной АПК РФ, и с учетом правовых позиций по их толкованию, а также норм об особенностях разрешения споров с участием иностранных лиц, применимых к соответствующим отношениям⁶⁰.

По другому делу проверочная инстанция, отклоняя довод иностранной фирмы о неприменении нижестоящими судами положений законодательства Эстонской Республики о порядке оформления коммерческих документов, указала следующее. Судопроизводство в Российской Федерации ведется в соответствии с нормами российского права (ст. 1 АПК РФ), что является основным началом международного гражданского процесса, поскольку суды применяют отечественное процессуальное право как право публичное, не допускающее автономии воли сторон в выборе применимого права и обширных коллизионных отсылок к иностранным правовым порядкам. Таким образом, вопрос об оценке доказательств на предмет их допустимости и относимости решается судом в соответствии с нормами российского, а не эстонского права. Позиция нижестоящих судов сводилась не к тому, что представленные документы не соответствуют российскому материальному праву, на чем настаивает иностранная фирма, а к тому, что эти документы не отвечают требованиям российского процессуального права, в том числе в связи с отсутствием надлежащего их перевода⁶¹. Итак, по общему правилу вся формальная сторона судебного процесса определяется законами компетентного суда исходя из принципа *lex fori*.

Из принципа «закон суда» все же имеются отдельные исключения, не колеблющие, однако, по мнению

⁵³ См.: Гетьман-Павлова И. В. Процессуальные коллизионные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 84—96.

⁵⁴ См.: Марышева Н. И. Вопросы кодификации норм международного гражданского процесса в России // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 40.

⁵⁵ См.: Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев... С. 241.

⁵⁶ См.: Оситов А. О. Место исполнения обязательства как основание международной подсудности // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 6. С. 20.

⁵⁷ См.: Ерпылева Н. Ю. Понятие, источники и принципы международного гражданско-процессуального права // Законодательство и экономика. 2012. № 3. С. 61.

⁵⁸ См., например: Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России: учеб.-практ. пособие. М., 1997. С. 72—73.

⁵⁹ См. определение ВАС РФ от 26 июля 2012 г. № ВАС-6580/12.

⁶⁰ См. определение ВС РФ от 28 марта 2018 г. № 305-ЭС17-18862.

⁶¹ См. определение ВАС РФ от 9 декабря 2011 г. № ВАС-14658/11.

Л. А. Лунца, исходного начала⁶². Таких случаев немало. Например, поручения иностранного суда, производимые обычно в порядке, предусмотренном российским процессуальным законодательством, могут исполняться с применением иностранных процессуальных норм, если это предусмотрено в международном договоре Российской Федерации (ч. 3 ст. 256 АПК РФ, ч. 3 ст. 407 ГПК РФ). В статье 9 Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (1970 г.) закреплено: судебный орган, исполняющий судебное поручение, применяет законы своего государства в отношении методов и процедуры исполнения. Однако в случае, если запрашивающий компетентный орган власти просит о соблюдении особой формы, такая просьба удовлетворяется при условии, если данная форма не противоречит законодательству запрашиваемого государства или если ее применение не будет невозможным ввиду несовместимости с внутригосударственной практикой и процедурой или из-за практических трудностей.

В литературе в качестве принципа международного гражданского процесса называется *принцип защиты национального правопорядка*, который означает, что оказание правовой помощи, исполнение иностранных поручений, признание и исполнение иностранных решений не должны ущемлять основных ценностей национальной правовой системы и фундаментальных интересов национальных лиц⁶³. Однако, на наш взгляд, охрана правопорядка, скорее, является задачей государства, в том числе в лице его судебных органов, а не принципом осуществления правосудия. Статья 2 ГПК РФ прямо относит укрепление правопорядка к задачам гражданского судопроизводства. Из этого, по существу, исходят и положения ст. 2 АПК РФ. Защита прав и охраняемых интересов граждан и организаций — важная задача правосудия по гражданским делам. Оказание же судом правовой помощи и совершение иных процессуальных действий с учетом наиболее существенных интересов личности, общества и государства предполагает строгое и неуклонное соблюдение и исполнение изданных властью законов, что охватывается принципом законности, о котором идет речь, в частности, в ст. 6 АПК РФ. Иными словами, защита указанных интересов предполагает воплощение в деятельности суда принципа законности и тем самым обеспечивается охрана национального правопорядка. Посредством системы принципов гражданского судопроизводства реализуются задачи правосудия, в том числе по защите национальных интересов при рассмотрении дел с участием иностранных лиц. В целом о подобной связи между задачами и

принципами судебного процесса справедливо указывалось в литературе⁶⁴.

К тому же, исходя из определения правопорядка как особого состояния общественных отношений, упорядоченных при помощи права⁶⁵, правильнее, по нашему мнению, вести речь о защите национальных интересов как одной из важных задач судебных органов государства при отправлении правосудия по делам с участием иностранных лиц. Под ними следует понимать совокупность наиболее существенных интересов личности, общества и государства, отражающих стремление к реализации конституционных прав и свобод, обеспечению безопасности, незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, благоприятных условий для развития экономики и т. п.

Т. Я. Хабриева, рассуждая о национальном интересе как о главном двигателе правовой сферы, о важности правового обеспечения национальных интересов, справедливо указывает на необходимость поиска законодательных моделей, которые содействовали бы защите национальных интересов как внутри страны, так и за ее пределами⁶⁶. На законодательном уровне охрана национальных интересов применительно к судопроизводству по делам с участием иностранных лиц обеспечивается при помощи такого юридического средства (механизма), как оговорка о публичном порядке. К примеру, данная оговорка становится барьером на пути признания и приведения в исполнение на территории РФ решений иностранных судов по спорам о трансграничной несостоятельности, когда это может повлечь ущерб интересам местных кредиторов (п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). По одному из дел кассационный суд пришел к выводу о том, что нижестоящие суды необоснованно не учли возмещения финансового управляющего, полагавшего, что предъявленное к исполнению на территории РФ решение иностранного суда противоречит публичному порядку РФ, поскольку причиняет вред имущественным правам кредиторов российского должника. В данном случае вопрос о защите интересов третьих лиц, как указал кассационный суд, подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка. Между тем суды не осуществили проверку решения иностранного суда на предмет непротиворечия публичному порядку РФ⁶⁷.

⁶⁴ См., например: Семенов В. М. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1965. С. 9.

⁶⁵ См.: Явич Л. С. Социалистический правопорядок. Л., 1972. С. 9.

⁶⁶ См.: Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19—20, 29.

⁶⁷ См. постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2017 г. по делу № А56-81157/2015.

⁶² См.: Лунц Л. А. Указ. соч. С. 770.

⁶³ См.: Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Филатова М. А. Указ. соч. С. 40—42.

Отказ в исполнении судебного поручения по мотивам противоречия данного процессуального действия суверенитету России или угрозы ее безопасности, по сути, также является одним из проявлений оговорки о публичном порядке (п. 1 ч. 2 ст. 407 ГПК РФ).

В заключение отметим, что такие специальные принципы производства по делам с участием иностранных лиц, как национальный режим в области

судебной защиты иностранных лиц, режим наибольшего благоприятствования, международное судебное сотрудничество и координация, иммунитет иностранных государств и международных межправительственных организаций, принцип *lex fori*, обеспечивают четкую деятельность судов в Российской Федерации при рассмотрении трансграничных споров и способствуют эффективной защите нарушенных прав и интересов заинтересованных лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Collins L. Provisional and Protective Measures in International Litigation // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 1992. Vol. 234.
- Coyle J. F. Rethinking Judgments Reciprocity // *North Carolina Law Review*. 2014. Vol. 92. No. 4.
- Dodge W. S. International Comity in American Law // *Columbia Law Review*. 2015. Vol. 115. No. 8.
- Hailbronner K. Immunity of International Organizations from German National Jurisdiction // *Archiv des Völkerrechts*. 2004. Bd. 42. Nr. 3.
- Lenhof A. Reciprocity and the Law of Foreign Judgments: A Historical — Critical Analysis // *Louisiana Law Review*. 1956. Vol. 16. No. 3.
- Regan J. C. The Enforcement of Foreign Judgments in France under the Nouveau Code de Procédure Civile // *Boston College International and Comparative Law Review*. 1981. Vol. 4. Iss. 1.
- Reinisch A. Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations, Convention on the Privileges and Immunities of the Specialized Agencies. URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cpiun-cpisa/cpiun-cpisa_e.pdf.
- Szászy S. The Principle of Reciprocity in the Law of International Civil Procedure // *Netherlands International Law Review*. 1966. Vol. 13. Iss. 1.
- Webb P. R. H. Comity and Reciprocity: (Based upon *Société Cooperative Sidmetal v. Titan International Ltd.*) // *International and Comparative Law Quarterly*. 1966. Vol. 15. Iss. 1.
- Аверин Д. Д. Процессуальные вопросы сотрудничества органов юстиции социалистических государств. Исполнение решений и поручений иностранных судов: лекция. М., 1963.
- Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002.
- Богданов О. В. Правовые вопросы пребывания ООН в США (привилегии и иммунитеты ООН). М., 1962.
- Брановицкий К. Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2005. № 8.
- Галенская Л. Н. Понятие взаимности // *Журнал международного частного права*. 2005. № 3.
- Гетьман-Павлова И. В. Процессуальные коллизионные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе // *Журнал российского права*. 2018. № 3.
- Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Филатова М. А. *Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры* / под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. М., 2017.
- Елисеев Н. Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2006. № 7.
- Ерпылева Н. Ю. Понятие, источники и принципы международного гражданско-процессуального права // *Законодательство и экономика*. 2012. № 3.
- Кайсин Д. В. Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // *Закон*. 2014. № 6.
- Корецкий В. М. *Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права*. М., 1948.
- Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть: учебник*. М., 1997.
- Лукашук И. И. *Нормы международного права в правовой системе России: учеб.-практ. пособие*. М., 1997.
- Лунц Л. А. *Курс международного частного права: в 3 т.* М., 2002. Т. 3.
- Марышева Н. И. Вопросы кодификации норм международного гражданского процесса в России // *Журнал российского права*. 2004. № 6.
- Марышева Н. И. *Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России*. М., 2007.
- Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // *Хозяйство и право*. 2004. № 5.
- Николюкин С. В. *Международный гражданский процесс и международный гражданский арбитраж: учебник*. М., 2017.
- Осипов А. О. Место исполнения обязательства как основание международной подсудности // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2012. № 6.
- Семенов В. М. *Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Свердловск, 1965.
- Тимошков С. Г. Применение международного обычая как источника ответственности за преступление агрессии // *Журнал российского права*. 2015. № 12.
- Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // *Журнал российского права*. 2005. № 12.

Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник. Пер. с нем. М., 2001.

Шерстюк В. М. Категории «действительность» и «возможность» в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6.

Щукин А. И. Новации законодательства РФ о юрисдикционных иммунитетах иностранного государства // Право и государство: теория и практика. 2016. № 2.

Щукин А. И. Новеллы в правовом регулировании производства по делам с участием иностранного государства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9.

Явич Л. С. Социалистический правопорядок. Л., 1972.